

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

«ТРЕТЬЕРИМСКАЯ» ИДЕЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент Сретенской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общеперковной аспирантуры и докторантур
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: Задорнов А. В., прот. «Третьеримская» идея вчера и сегодня // Праксис. 2025. № 2 (19). С. 107–116. DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.19.2.007

Аннотация

УДК 340.121

Идея «Третьего» Рима, основательно исследованная текстологически и исторически, всё ещё является предметом не только идеологических, но и вполне научных споров. Её противники находятся в лагерях совершенно различной общественно-политической направленности, критика концепции, исходящая порою из совершенно различных мировоззренческих установок, сходится в понимании идеи «Третьего Рима» как занимающей место других идей — от Нового Иерусалима до Третьего Интернационала. В настоящей статье рассматриваются различные варианты такой критики.

Ключевые слова: практическая теология, философия права, историософские концепции Московской Руси, А. Дугин, К. Ерусалимский, Н. Синицына.

The Idea of the «Third Rome» Yesterday and Today

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines

at the Moscow Theological Academy

Associate professor of the Sretensky Theological Academy

Assistant Professor of Church and Practical Studies Department

Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "The Idea of the «Third Rome» Yesterday and Today" *Praxis*, № 2 (19), 2025, pp. 00 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2025.19.2.007

Abstract. The idea of the "Third Rome", thoroughly studied textually and historically, is still the subject of not only ideological, but also quite scientific debate. Its opponents are in camps of completely different socio-political orientation, criticism of the concept, sometimes emanating from completely different worldviews, converges in understanding the idea of the "Third Rome" as taking the place of other ideas – from New Jerusalem to the Third International. This article discusses various options for such criticism.

Keywords: Practical theology, philosophy of law, historiosophical concepts of Moscow Russia, A. Dugin, K. Yerusalimsky, N. Sinityna.

Вставшей уже классической монографии Н. В. Синицыной, посвящённой концепции Москвы как Третьего Рима, тщательно изучены все контексты этой идеи: антилатинский, противоастрологический, историко-литературный, дипломатический, церковно-политический и, конечно, эсхатологический. Относительно последнего автор заключает: «Историческое время «Третьего Рима» должно быть наполнено подвижничеством во имя нравственного и духовного совершенствования... Длительность этого периода определяется божественным долготерпением, а смысл истории — не конечная погибель, не геенна огненная, а путь нравственного очищения и совершенствования»¹. Этот оптимистический эсхатологизм отмечен многими исследователями, как классиками, так и нашими современниками². Напомним, что учение о Третьем Риме как эсхатологическом царстве впервые изложено в двух грамотах псковского монаха Филофея — первая адресована великокняжескому псковскому дьяку М. Мисюрю-Мунехину в феврале 1524 года, вторая, вероятно, Василию III в марте 1526 г.

Не все исследователи разделяют этот оптимизм, при этом независимо от их мировоззренческих установок. Так, почвенник П. Г. Паламарчук в статье 1986 года рассматривает оппозицию «Новый Иерусалим — Третий Рим» как искушение второй частью этой пары. Паламарчук называет концепцию Москвы как Третьего Рима проявлением греха гордости и духовной подменой единственного истинного топографического христианского символа — Небесного Иерусалима. Для него эта концепция уравнивается с версией происхождения Москвы от ветхозаветного сына Иафета Мешеха («Мосоха»), чьи потомки в эсхатологической перспективе вольются в нечестивое войско Гога и Магога. Справедливо отметив, что теория «Москва — Третий Рим» так и не стала частью государственной идеологии³, автор видит вершину конфликта между идеями Нового Иерусалима и Третьего Рима в деле патриарха Никона, которому неоднократно приписывались «папистические воззрения».

В «Кормчей», как считает П. Паламарчук, патриарх Никон «поместил составленное при патриархе Филарете известие об учреждении

1 Синицына Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 249–250.

2 См., напр.: Гольдберг А. Л. Идея «Москва — Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 139–149; Венюрок И. С. Третий Рим: 500 лет русской имперской идеи. М., 2025.

3 «Даже в общественном мнении средневековой Руси она отнюдь не пользовалась всеобщей поддержкой» // Паламарчук П. Г. Москва, Мосох и Третий Рим // Паламарчук П. Г. Москва или Третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М., 1991. С. 29.

патриаршества на Руси, в котором мысль о Москве как Третьем Риме в формулировке, заимствованной у Филофея, вложена в уста константинопольского патриарха Иеремии. Но в итоговом своём произведении — «Разорении...», написанном в ответ на обвинения, выдвинутые против него Паисием Лигаридом⁴, патриарх Никон отвергает идею перехода чести и славы Рима на Москву, чем и обосновывается место русского патриаршества сразу после Иерусалимского в диптихах (что было бы странным умалением кафедры при замене Второго Рима Москвой).

Также критическую позицию по отношению к концепту Третьего Рима (хоть и на других основаниях) занимает доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге К. Ю. Ерусалимский. Его новейшее исследование «Император Святой Руси» посвящено идейному кругозору, идеологии и коллективным представлениям Московского царства XV — начала XVIII века. В главе этой обширной монографии под названием «Третий Рим: взлет и падение апокалиптического мифа» автор подразделяет отношение исследователей к Третьему Риму в сегодняшней науке на два несходных подхода — историко-культурный релятивизм, полагающий, что Третий Рим — особое учение, выраженное в текстах монаха Филофея и в текстах или артефактах, воспринявших так или иначе его учение и подход, возводящий учение псковского монаха к тенденциям развития Московской Руси и сращивающий его с родственными направлениями мысли, даже если прямых следов рецепции между ними не обнаруживается⁵.

Автор указывает следующие предпосылки создания «третиеримской» концепции: 1) Утрата в глазах московских светских и духовных интеллектуалов Первым и Вторым Римом благодати, вызванная тем, что Рим погряз в ереси, а Царьград в 1437–1439 гг. заключил соглашение с Первым Римом в Ферраре и Флоренции, и собор был началом отступничества, которое обернулось крушением Константинополя и всей Византийской империи в мае 1453 г.; 2) Приезд в Московскую Русь Софии Фоминичны Палеолог и ее брак с Иваном III («Матrimonиальный союз великого князя и, для многих зарубежных партнеров, царя владимирского и московского с племянницей последнего византийского императора воспринимался как свидетельство переноса имперского статуса из Византии на Русь»⁶); 3) Исполнение Седьмой тысячи от Сотворения мира. 7000 г., 1491–1492 г. от Р. Х., вызвал неизбежные апокалиптические ожидания;

4 Там же. С. 30–31.

5 См.: Ерусалимский К. Ю. Император Святой Руси. М., 2025. С. 490.

6 Там же. С. 492.

4) На рубеже XV–XVI вв. в Москве велись масштабные работы над со-ставлением Русского Хронографа, где «прямая преемственность власти связывала библейских патриархов с Русской землей, но обосновать переход римско-византийской власти в русскую империю авторам-составителям Хронографа не удалось. В противовес доктрине Третьего Рима, эти авторы надеются на буквальное восстановление Византии»⁷; 5) Со-ставление пространной редакции «Повести о белом клобуке», в кото-ром Третьим Римом выступает не Москва, а Новгород Великий; 6) Идея Третьего Рима зазвучала в обстановке масштабных работ по конструиро-ванию царского культа в Русском государстве, когда около 1519–1521 гг. возникла первоначальная версия «Сказания о князьях владимирских».

Последнее обстоятельство имеет для К. Ерусалимского решающее значение в генезисе идеи Третьего Рима: «Предположительно, сказа-ния о трансляции имперской власти в Москву предназначались для ка-кой-то церемонии, которой Василий III планировал закрепить свое право на трон. Это право имело смысл закрепить как династическое, и для пол-ного оформления обряда не хватало наследника престола. К началу 1520-х гг. был составлен Русский Хронограф. Велась работа над гранди-озным летописным сводом, доказывающим первенство Великого кня-жества Владимира и Московского над всеми русскими землями»⁸. Исследователь не желает воспринимать послания Филофея как лите-ратурный текст, отсюда недоверие к предшествующим попыткам их науч-ного анализа — для последнего требуется интерпретация через рассмо-трение тех особенностей посланий Филофея, которые выдают главный замысел его — обосновать неизбежность развода в велиокняжеской семье.

Такая неожиданная редукция высокой историософии к княже-ским матримониальным и династическим проблемам выглядит впол-не обоснованной, ведь «что может быть более значительным для спасе-ния Царства, для наследственной монархии, чем рождение наследника у царя?.. Согласно учению псковского монаха, Третий Рим рухнет, если не понять простой истины: других православных царей во вселенной больше нет, и если у великого князя не будет наследника, то и царство после его смерти просто рухнет»⁹.

Таким образом, причиной и целью «третъеримской» идеи были вовсе не провозглашение после падения Константинополя столицы московского царства в православный мировой центр, после чего был

7 Там же. С. 494.

8 Там же. С. 503.

9 Там же.

проводил Московский патриархат¹⁰, но развод Василия III с Соломонией Сабуровой и его новый брак, плодом которого явился Иван Грозный.

Сведя всю идею к вопросам развода и брака *ad hoc*, К. Ерусалимский решительно отказывает концепции в идейной рецепции: ««Третий Рим» никак не проявил себя в правление Василия III вне текстов Филофея и не отразился на государственном культе в правление Ивана IV. Ни в одном из десятков его российских и сотен дипломатических посланий миф Третьего Рима не использован. Возможно, Иван Грозный вообще не придавал значения учению о Третьем Риме или считал его чем-то самоочевидным... «Третий Рим» из учительного апокалиптического видения, предназначенного для устрашения Василия III и сторонников его династического правления, превратился в маргинальное и слабо артикулированное церковное учение»¹¹.

Характерно, что для К. Ерусалимского никакое вообще царство было невозможно рефлексировать на библейской почве иначе, чем как часть видений пророка Даниила. В этом смысле этот взгляд смыкается с совершенно противоположной позицией «традиционизма», для которого упомянутая «имперская идея» эпохи Нововавилонского царства продолжается в идеологии Ахеменидской династии. Для российского традиционализма именно иранский образ сакральной Империи представляется древнейшим в сравнении с другими индоевропейскими народами Евразии и Европы. Более того, «в иудаизм и христианство тема мировой Империи проникает еще позже и также имеет однозначно иранский характер. И уже через Грецию Александра и диадохов, а далее через Рим и христианизацию Римской Империи учение об универсальном царстве проникает в ислам в концепте халифата»¹².

Эта трансляция царства (в перспективе – империи) подробно описана А. Г. Дугиным в монографии 2023 года «Бытие и Империя». Её главы, по определению самого автора, посвящены метафизике Вселенского

10 «В канун утверждения патриаршества в Российском царстве в 1589 г. «Третий Рим» впервые звучит в официальной посольской документации как сугубо оптимистическое выражение доктрины наследования империи и церковного престола. За ней, по всей видимости, кроется совершенно практическое административное решение, вызванное стремлением московских властей переманить патриарха из Стамбула в Москву. Для этих целей и понадобилось поменять схему «наследования» царства диаметрально на 180 градусов и из эсхатологического поучения смастерить заманчивую картину цветущей иконной империи» // Ерусалимский К. Ю. Император Святой Руси. М., 2025. С. 524.

11 Там же. С. 513.

12 Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Иранский Логос. Световая война и культура ожидания. М., 2016. С. 102–103.

Царства и архетипу Царя Мира в различных культурах, религиях и мифологиях. В этом контексте «третъеримская идея» теряет свою уникальность в мировом масштабе и сохраняет её только для русской истории. Здесь автора тоже не оставляет очарованность иранским началом: «Осталась только одна страна — одновременно Церковь, держава и народ, — которая сохранила ортодоксальную световую субъектность — «паче солнца светится» — это Третий Рим, владения Великого Князя Московского и всяя Руси. *Солнечное измерение Московской Руси — это отголосок иранского хварено или византийского нимба*¹³ (курсив наш — А. З.).

Сточки зрения А. Дугина эсхатологические ожидания после падения византийского катехона были вполне вариативны — ожидалось и «приращение» исторического христианского цикла. В рамках упомянутого ранее «эсхатологического оптимизма» «идея «Москва — Третий Рим» выражала веру в приращение, что подразумевало *полное превращение Руси в Византию*. Именно в этом направлении и стало развиваться московское самосознание¹⁴. Тем самым, транслировалась не империя, а её ядро — катехон, сменивший греческое местоположение на московское, чьё царство становится последним рубежом, сдерживающим приход антихриста. С авторской точки зрения у Филофея речь идёт о преемственности вселенской миссии христианского субъекта, причём «Рим — как первый, второй, так и третий — означает одновременно и Церковь, и империю, царство, а также народ, составляющий основу и содержание и того, и другого»¹⁵.

Специально концепции Третьего Рима посвящено небольшое издание, представляющее собою выжимку из других работ автора, но с иной методологией¹⁶. Здесь сама идея Третьего Рима представлена в виде диспенсации (распределении, но также и икономии, домостроительства) русской идеи на всём протяжении её истории.

Конкретно послания старца Филофея отнесены ко второй диспенсации — после балканской в виде славянских средневековых царств и перед диспенсациями Московского царства, старообрядческой, имперской славянофильской, эмигрантской в XX веке и формирующейся сегодня седьмой. Здесь дан очерк циклов русской истории, каждый из которых представил свою интерпретацию идеи Рима и империи.

13 Дугин А. Г. Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского царства. М., 2023. С. 427.

14 Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. М., 2019. С. 328.

15 Там же. С. 365.

16 Дугин А. Г. Москва — Третий Рим: семь диспенсаций русской идеи. СПб., 2024.

Последняя седьмая диспенсация дана автором через образ престола уготованного, этимасии, поскольку «именно этот символ точнее всего описывает природу седьмой диспенсации. Москва всё ещё Третий Рим, а Россия — Святая Русь, стоящая на пути сатанинской цивилизации, стремящейся стать единственной и глобальной. Но вместе с тем влияние этой враждебной цивилизации глубоко проникло в общество, культуру, политику, власть и народ. Поэтому место катехона одновременно пустует и не пустует. И исход этого мерцания неясен»¹⁷.

Именно эта неясность заставляет автора поэтически беспокоиться о характере и искренности актуального поворота к «третьяримской» идее в современной России.

Концепция Дугина требует своего специального серьёзного анализа, пока что отсутствующего. В недавнем сборнике «Великий сон Логоса. Философия Александра Дугина между мифосом, пафосом и хаосом»¹⁸, вроде бы призванном дать такой анализ, вместо него помещена кажущаяся авторам удачной ирония относительно богемного бэкграунда объекта критики, в частности, его ученичества у поэта и знатока герметической литературы Е. В. Головина. В результате вместо серьёзного анализа демонстрируется плохо скрываемое раздражение «специалистов» активностью «маргинала», посмевшего без спроса вступить на их поле. Профессионально понятное недовольство сменой *институтов* (например, в виде кабинетов Института философии и прочих уважаемых профильных заведений, ответственных за философские достижения в отчётный период) на *институции* свободного мышления — всё же не повод заполнять страницы критического сборника безответственным ёрничаньем¹⁹.

В 2025 году появились две монографии авторов, аффилированных с высшим православным учебным заведением и уже в силу этого претендующих на церковную оценку «третьяримской» идеи. Доцент кафедры практического богословия ПСТГУ Г. В. Бежанидзе в исследовании «Рецепция византийского концепта «благой симфонии» в русской богословско-политической мысли XI–XVII веков» посвящает этой идее лишь десяток страниц в рамках вопроса о рецепции концепта «благой симфонии» в русской богословско-политической мысли XVI–XVII веков. По верному

17 Там же. С. 235.

18 Великий сон Логоса. Философия Александра Дугина между мифосом, пафосом и хаосом / отв. ред. В. М. Сидорин. СПб., 2025.

19 Вполне актуальной на этом фоне выглядит старая статья с критикой «традиционализма» вообще: Задорнов А. В. Предание или «традиция»? // Богословский вестник. 2000. № 2 (3). С. 94–126.

замечанию автора, в идее «Москва — Третий Рим» отражается взгляд на Русь как на *единственное* христианское общество, однако без всяких попыток создать подобие «Византийского содружества наций»: «В отличие от византийского универсализма, идея «Москва — Третий Рим» не предусматривает «ромейства» для москвичей, равно как и «москвитянства» для греков... Московский царь — это не император христиан-римеев, которые должны исполнять римские законы, независимо от того, в каком государстве они живут»²⁰. Это тем более верно, если учесть замечание того же автора об отсутствии в Восточной Римской империи двух (государственного и церковного) правовых порядков. Именно поэтому главное отличие концепции Третьего Рима от идеи Руси — Нового Израиля состоит в том, что последний может существовать с иными православными государствами, а Третий Рим их отменяет и заменяет.

В научно-популярной работе доцента богословского факультета ПСТГУ И. С. Вевюрко «Третий Рим: 500 лет русской имперской идеи» автор касается, в частности, обеих упомянутых выше идей: локализации последней империи в пределах Московского царства и перехода от шестой «диспенсации» к сегодняшней. В первом случае он практически соглашается с оценкой П. Паламарчука равенства идеи Третьего Рима с «государством всея вселенныя» как проявления гордыни. Такую оценку дал никто иной как первый русский царь: в ходе известных переговоров с папским легатом А. Поссевино Иван Грозный на соблазнительные предложения о союзе с католическими монархами «отвечал: «Мы в будущем восприятия малого хотим, а здешнего государства всее вселенные не хотим, что будет ко греху поползновенно»... Ответ царя содержал в себе также вполне выверенное богословское положение: удел в «будущем веке» находится в противоречии с идеей «государства всея вселенныя»²¹.

Эта идея *самоограничения* неизбежно, вполне по-солженицынски, соединяется в пару с раскаянием, поскольку нынешняя «диспенсация» (или состояние) Третьего Рима также представляется автору вполне «мерцающей». Превратить это мерцание в свет способно лишь общенародное покаяние, коррелирующее с общенародным же кризисом. И слова старца Филофея здесь могут очень помочь, ведь то, как он «упирает на покаяние, отличает его проповедь от всякого рода утопических и хилиастических проектов. Покаяние категорически противостоит утопии»²².

20 Бежанидзе Г. В. Рецепция византийского концепта «благой симфонии» в русской богословско-политической мысли XI–XVII веков. М., 2025. С. 221.

21 Вевюрко И. С. Третий Рим... С. 137–138.

22 Там же. С. 282.

... В итоговой работе по этой теме Н. В. Синицыной, с которой был начат настоящий обзор, особо отмечена исследовательская роль Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму»²³. Действительно, исследовательский центр «Джорджо Ла Пира» Национального совета по научным исследованиям Римского университета «Сapiенца» ежегодно организует семинары «От Рима к Третьему Риму» по случаю дня рождения города Рима (21 апреля) согласно постановлению Римского городского совета (№ 5461 от 22 сентября 1983 г.), а также на основе соглашения, заключенного в 1986 г. с Институтом российской истории Российской академии наук. Отрадно отметить регулярное в последние годы участие в работе семинара исследователей из Московской духовной академии²⁴.

Будем надеяться на продолжение этого опыта и в дальнейшем.

Библиография

- Бежанидзе Г. В. Рецепция византийского концепта «благой симфонии» в русской богословско-политической мысли XI–XVII веков. М.: Изд. ПСТГУ, 2025.
- Веврюко И. С. Третий Рим: 500 лет русской имперской идеи. М.: Эксмо, 2025.
- Великий сон Логоса. Философия Александра Дугина между мифосом, пафосом и хаосом / отв. ред. В. М. Сидорин. СПб.: Алетейя, 2025.
- Гольдберг А. Л. Идея «Москва — Третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37. С. 139–149.
- Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Иранский Логос. Световая война и культура ожидания. М.: Академический проект, 2016.
- Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. М.: Академический проект, 2019.
- Дугин А. Г. Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского царства. М.: АСТ, 2023.
- Дугин А. Г. Москва — Третий Рим: семь диспенсаций русской идеи. СПб.: Владимир Даль, 2024.
- Ерусалимский К. Ю. Император Святой Руси. М.: Новое литературное обозрение, 2025.
- Задорнов А. В. Предание или «традиция»? // Богословский вестник. 2000. № 2 (3). С. 94–126.
- Паламарчук П. Г. Москва или Третий Рим? Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М.: Современник, 1991.
- Синицына Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.

23 Синицына Н. В. Третий Рим... С. 51–57.

24 Секция семинара, посвящённая осмыслению «третиеримской идеи» до и после революции 1917 года, проходила осенью 2017 года в Московской духовной академии.